

«СОВЕТСКАЯ ТАТАРИЯ»

Слово —
зрителю

Спектакли, зовущие думать

Гаснет свет. Раздагается завес. Над сценой — вроде бы незначительная деталь — пенсне на шпурочке. Обычное пенсне. И никаких портретов. А со сцены звучат рассказы Чехова, иронические, жалеющие и безжалостные одновременно. Чтецы «от автора» не мешают героям рассказов, герои — не просто иллюстрируют действие. Все они живут одной жизнью. Что же это такое — литературная композиция? Прежде

состоит чудо искусства. Благодаря актерам мы видим чеховских героев: Благодаря Чехову узнаем в них времена самих себя. Мне кажется, что коллектив театра комедии в основном справился с этой задачей, и то, что он продолжает работу над рассказами Чехова, можно только приветствовать.

Другой «литературный» спектакль «Дон Жуан» по поэме Байрона в отличном переводе Т. Гне-

назовем его условно «реалистиче-ским», актеры играют, добиваясь эффекта присутствия, эффекта реальности происходящего, когда ты забываешь, что актер — твой сосед по квартире Иван Иванович, а не доподлинный купец Скопидомов. Другой театр, не менее интересный, строится на заведомо необычном, остром сюжете, действии его протекает в самой необычной обстановке и герои его — чаще всего люди самые необычные, иногда и не люди даже, а, к примеру, гоголевские добродушные черти, или, если не выходить за рамки репертуара наших гостей, можно взять такой персонаж, как Тень из одноименной сказки Шварца.

Другими словами, театру, как и всякому виду искусства, свойственна своя символика, свой условный язык, понятный каждому. Собственно, деление театра на два типа — тоже условность, все гораздо сложнее. И не в сказочности персонажей тут дело, а скорее всего в том, что стоит за образами данной пьесы. Сказка великолепного советского драматурга Евгения Шварца «Тень» была написана в довоенные годы, когда по карте Европы уже начинала распространяться коричневая чума фашизма. Это не просто сказка, это предупреждение тем, кого обуяла натовлогическая жажда власти над миром, это очень глубокая и умная пьеса.

Мне кажется, само слово «комедия» уже настраивает на что-то несерьезное, шутовское. Вероятно, в этом повинны кинокомедии, где пропагандировалась борьба «лучшего» с «хорошим», и «лучшее», конечно, побеждало. Комедиями назывались и такие музыкальные, безобидные вещицы, как «Карнавальная ночь». А ведь бесмертный гоголевский «Ревизор» — тоже комедия. Сто лет назад в зале провинциального театра городничие и держиморды, вероятно, чувствовали себя не так уж спокойно, и реплика «над собой смеется» была для них далеко не сладкой пилюлей. Да, комедия — в высоком смысле этого слова — не просто жанр. Я не знаю, можно ли называть комедиями

такие вещи, как поэма Байрона, такие пьесы, как «Милый обманщик» Джерома Килти и «Физики» Фридриха Дюренматта, хотя все эти вещи полны своеобразного, умного юмора. Мне задавали вопрос: в чем секрет молодости ленинградского театра, почему его спектакли пользуются таким успехом? Кажется, половина этого секрета состоит в том, что коллектив театра доверяет зрителю, как старший брат; он строит свой репертуар на глубоко человеческих, острых, проблемных произведениях, рассчитывая на подготовленного зрителя. Здесь думают. Познания глубокой мысли в репертуаре, в игре актеров, в режиссуре — вот, по-моему, основные черты, складывающиеся в своеобразное и глубоко симпатичное лицо Ленинградского театра комедии. Дух поиска, точная игра актеров и смелые режиссерские находки — возьмите хотя бы монолог Тени, распростертой на ступеньках, ведущих к трону; небольшие, но выразительные детали, разбросанные почти по всем спектаклям щедрой рукой; оригинальные декорации, решенные с большим вкусом и мастерством, наконец, даже афиши — все это составляет равнодушным лишь тех, кто глух к настоящему театру, да и к искусству вообще.

Я избегал в этой статье называть фамилии. Может быть потому, что не писал рецензии, а скорее — объяснение в любви. Семь основных спектаклей, на которых я побывал, в одной статье все равно не разберешь. Мне просто хотелось сказать спасибо нашим гостям за их очень нужную и легкую работу. И еще хочу извиниться от себя лично. После каждого спектакля мне хотелось думать, а не хлопать в ладоши.

Спасибо вам, ленинградцы!

Николай БЕЛЯЕВ.
Инженер-геофизик.

Спектакль Ленинградского театра комедии — «Дело» А. Сухо-во-Кобылина. На снимке (слева направо): Тарелкин — Г. Тейх, Муромский — А. Вениаминов, Лидочка — И. Булгакова.
Фото Г. Мещеряков

всего это — театр. И театр умный. Может быть, «Пестрые рассказы» — один из самых характерных спектаклей Ленинградского государственного театра комедии — столько в нем режиссерской выдумки, великолепной актерской игры. Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что это единственный театр в Союзе, в репертуаре которого вот уже шесть лет живет Чехов-рассказчик, а не Чехов-драматург. В рассказах сохранен авторский текст. Для этого нужна не только смелость. Нужно еще и умение «подать» этот текст, и так, чтобы зритель был живое, чтобы стало вдруг прозрачным бутфорское пенсне и человек почувствовал на себе пристальный и глубоко человеческий чеховский взгляд. Ибо в этом и

дич — тоже результат огромной работы и несомненная удача, но здесь есть небольшое но... Ведь поэма Байрона — это фактически автобиография, в которой автор судит своей жестокой веж. История похождений Дон Жуана — для него только способ предъявить свой счет всем тиранам, и в этом главным театр очень верно прочел поэму. Но сам Дон Жуан в исполнении артиста Воропаева все-таки ближе к традиционному толкованию этого образа, и на общем фоне спектакля он выглядит довольно бесцветно. На стороне Байрона остаются только чтецы от автора, которые все-таки спасают поэму благодаря большому мастерству исполнения и хорошей режиссерской расстановке сил.

Есть два вида театра. В одном,